

ДЕБЮТ

«Максим из Кольцовки», посвященная народному артисту СССР М. Д. Михайлову, скоро выйдет в издательстве «Московский рабочий».

Мы публикуем сокращениями отрывок из «Русского соловья». Полностью повесть будет напечатана в журнале «Москва».

В СЕЗОН 1925—1926 годов на афишах филиала Большого театра СССР впервые появилось имя Ивана Семеновича Козловского. Почти каждое появление нового актера обволакивается различного рода слухами и суждениями, далекими от правды и близкими к ней — кто-то бывал в Харькове, кто-то слыхал в Свердловске... Рассказывали, что молодой певец, до сих пор работавший в провинциальных театрах, видит и слышит все создаваемые им образы по-новому и к тому же очень хорошо собой. Говорили, что слушал его сам Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов и предложил ему остаться в Москве.

Все это усиливало интерес любителей оперы и волновало счастливых обладателей билетов на первое его выступление в опере «Травиата» в роли Альфреда.

Мокрый осенний снег падал крупными хлопьями. Сырой ветер налетал порывами, и никуда нельзя было от него спрятаться. Но молодежь и не хотела прятаться. Молодежь волновалась и набрасывалась на каждого прохожего с торопливым, настойчивым вопросом:

— У вас нет случайно лишнего билетика? Но и случайно лишенного билетика ни у кого не находилось. Их обладатели, радост-

«РУССКИЙ СОЛОВЕЙ» — так Анна Кузнецова озаглавила свою повесть о народном артисте СССР Иване Семеновиче Козловском. Это вторая книга известной в прошлом певицы Большого театра Союза ССР о своих товарищах по профессии. Первая

будет напечатана в журнале «Москва».

1

но-возбужденные, торопясь в театр, высказывали всякие предположения, а некоторые уже заранее спорили: «Ну что можно сделать из давно заштампованной роли Альфреда?»

...После давно знакомой реплики Гастона: «Вот Альфред де Жермон...» зал притих в ожидании. Стремительно появившийся на сцене стройный, легкий и сильный Альфред — Козловский одним своим видом сразу расположил к себе публику. Знаменитую «Застольную песню» и весь последующий музыкальный диалог с Виолеттой, молодой певец насыщает мыслью, и от его простых, почти бачальных слов: «Уж год люблю я!» — веет чудесной, чистой правдой. Тонкими штрихами актер обрисовывает отношение Альфреда к Виолетте, и, чем пламеннее его пение, тем сдержаннее он внешне. Среди веселящейся безумной толпы он выглядит чужим. Он не видит никого, кроме Виолетты.

Второй акт. На сцене уже новый Альфред. Сияние его глаз, все движения пронизаны музыкой. Счастье нельзя играть, не чувствуя его, им нужно жить! И Козловский в легком прозрачном звучании своего ариозо передает чувство глубокого безмятежного счастья.

3

Ко второму антракту кулисы были забыты освободившимися артистами не только филиала, но и основной сцены. Необыкновенный тембр голоса, дикция, позволяющая слышать каждое слово, привлекли сюда и самых строгих и в то же время самых доброжелательных критиков — рабочих сцены, костюмеров, гримеров. Удача театра — это их общая удача! Они с подлинной искренностью радовались появлению нового актера, еще немножко волнуясь — как покажет себя молодой певец в самом сложном для исполнителя третьем акте.

Но вот начался и третий акт. С первого же появления черная одинокая фигура Альфреда привокала к себе общее внимание. Смолкли перешептывания. Бледное лицо Козловского, почти без грима, позволяет видеть малейшие перемены в переживаниях его героя. Объяснение с Виолеттой Альфред — Козловский вел каким-то отточенным полетным звуком, словно на полуше-поте, постепенно увеличивая силу звучания голоса к трагическому для Альфреда моменту — оскорблений Виолетты. А потом, каким глубоким чувством раскаяния наполняет он каждую свою музыкальную фразу! Его голос то скорбно рвется вверх, то, как бы перехваченный рыданиями, переходит на звучное пиано, но все же превалирующее и над хором, и над оркестром.

Молодой певец заняг сердца не только зрителей, но и сердце М. М. Ипполитова-Иванова. Покидая свой дирижерский пульт, атакованный со всех сторон, на сипавшиеся градом вопросы, как всегда спокойно и немногословно, он ответил: «Этот певец — многообещающее явление в искусстве.★

БЫЛ взволнован и красивый белоголовый старик с беспокойным взглядом карих

4

глаз, все еще не собиравшийся уходить из зрительного зала. И когда опять и опять выходил на вызовы Альфред, лицо старика освещала нежная улыбка: Козловский был его учеником в школе села Марьиновка!

Смелый и решительный мальчик, в редкие минуты застенчивый, унаследовавший от своего народа великий талант, — таким был любимец Сысоя Григорьевича Саенко. Он надеялся, что судьба ученика сложится необычно, но если бы ему сказали, что он увидит то, чему сегодня был свидетелем, он не поверил бы. Слишком труден был в те времена путь к большому оперному искусству для деревенского украинского паренька.

Кончилось последнее действие. Затихли понемногу восторженные овации. Публика начала расходиться. Поднялся с места и Сысо Григорьевич, еще не совсем справившийся с охватившим его волнением, и все еще поглядывая на зачавес со смутной надеждой, что он может быть еще раздвинется и его Ваня покажется среди парчовых складок.

— Простите, гражданин, не вы будете учитель нашего Ивана Семеновича?

Сысо Григорьевич обернулся. Перед ним стояла билетерша и очень приветливо на него смотрела.

Прошли за кулисы. Взволнованный и счастливый, Сысо Григорьевич долго, уже стоя перед певцом, всматривался в молодое, такое знакомое лицо. И пока он глядел в это лицо, перед ним проходили картины давно прожитых лет: и любимая Украина, и село Марьиновка, и маленький домик Козловских, где рос голубоглазый мальчик, страстно любивший пение и музыку.